

ОЛЕГ МИТЯЕВ:

«ЧЕСТНОСТЬ И ПОРЯДОЧНОСТЬ — ЭТО ВЕЧНЫЕ ЦЕННОСТИ»

Было время, когда бардовское движение в стране играло невероятно важную роль для нашего менталитета, в эпоху повального контроля над всеми источниками эстетической информации, кино, радио, телевидения. Только магнитофонная культура и бардовская были источником новой и свежей, честной, а самое главное — эмоциональной жизни. Окуджава, Визбор и Высоцкий — вот три короля. Сегодня это Митяев — автор песни «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались», которая сегодня, конечно, гимн. Он заслуженный артист России, член Союза писателей, лауреат национальной премии «Овация», лауреат премий Фонда русской поэзии, премии «Золотой Остап».

Из тех, кто любит авторскую песню, одни безоговорочно присваивают ему первое место в новой волне бардовской песни, другие столь же безоговорочно заявляют, что Митяев — это вовсе не авторская песня.

Концерты Олега Митяева — всегда приятный сюрприз для публики. Он задушевно и просто общается со зрителями, он непредсказуем, остроумен и лиричен.

ство. В любое время, в любой ситуации каждый должен уметь сам себе ответить на вопрос: честно ли это? Честность, порядочность — это вечные ценности.

— У вас вышло столько книжек! Но все это в основном тексты ваших песен (с нотами, разумеется). А мемуары писать не собираетесь?

— Я как-то спросил свою соседку, известную писательницу Викторину Токареву, о том, что, может, мне начать писать? Она ответила: «Если бы тебе было суждено, ты бы писал уже лет 20, а теперь не парься».

— Но ведь вам уже 51. Неужели не считаете, что пора «остановиться, оглянуться»?

— Хорошо бы никогда не стать взрослым, солидным и начать писать мемуары! Во всяком случае, пока мне гораздо интереснее жить, чем писать.

— Когда-то Борис Гребенщиков написал: «Рок-н-ролл мертв, а еще нет». Нет ли подобного ощущения у вас по отношению к авторской песне?

— Про авторскую песню нечто подобное говорил Булат Окуджава. Но то, что умирает для одних, возрождается для других.

— Как вы думаете, почему молодежь из всех бардов любит именно вас?

— Обычная история: кому-то больше нравится покоящий сосед по лестничной клетке, кому-то — я. Все это очень индивидуально. Но мне, конечно же, приятно, что у меня есть и молодые поклонники.

— Скорее, поклонницы. Для вас ведь не секрет, что вы — предмет воздыханий многих женщин самого разного возраста. А каков ваш идеал женщины? (В этот момент звонил мобильный телефон: дочка советует с папой, стоит ли ей идти гулять, ведь на улице холодно, дует сильный ветер. Даше — пять с половиной лет. Еще у Олега Митяева три сына: семилетний Савушка, Филипп — 21 год, который сейчас служит в армии, где, кстати, поет свои песни, и Сергей — 25 лет).

— Невозможно предугадать то сочетание качеств, которое тебя покорит. Не могу сказать даже: должна это быть блондинка или брюнетка, с высшим образованием или без, доярка или инженер, в джинсах или в бальном платье. Иногда бывает какое-то одно — очень сильное — качество, которое тебя потрясает, но стоит ей открыть рот — и все пропадает.

— У вас есть чувство, что вы состоялись?

— Все познается в сравнении. Другого человека оценить проще, чем себя. В конце 80-х годов наш декан, побывавший в семи странах, вызывал уважение, восторг и печаль, что ты никогда не сможешь вот так путешествовать... А сейчас мы объездили почти весь мир. Германию проехали вдоль и поперек, побывали и в Южной Африке, и во Франции, привезли массу историй из этих поездок, которые вылились в песни. Познакомились с потрясающими людьми, ставшими нашими поклонниками. Но когда находишься внутри процесса, не можешь оценить результата. Это как хозяйка, наготовившая для гостей угощение, которое все нахваливают, а сама она, может, даже его и не пробовала: в процессе находилась.

По материалам информгентств.

— Олег, ваши концерты собирают полные залы, в том числе и такие огромные, как зал Большого Кремлевского дворца. И все-таки не покидает ощущение того, что авторская песня — это уходящая реальность...

— Дело не в жанре, а скорее в том, что люди разные и среди них есть лирики. Если бы у авторской песни не было музыки, остались бы стихи. Если бы не было ни музыки, ни стихов, осталось бы отношение к жизни, при котором люди замечают грозу, дождь, запах озона, могут остановиться на улице, чтобы всем этим наслаждаться. То, чем я занимаюсь, можно назвать авторской песней, а можно — лирическим роком.

— А самого вас как называют бардом?

— Я всегда считал, что глупо отказываться от такой прекрасной компании, как Юлий Ким, Булат Окуджава, Виктор Берковский... Поэтом — что ж, пусть называют бардом.

— Кого вы особенно цените среди своих коллег?

— Я заслушивался Александром Сухановым, Владимиром Ланцбергом, Александром Розенбаумом, уже не говоря о Городницком, Киме, Окуджаве, Визборе...

— Есть ли в авторской песне понятие учителя, школы?

— Пожалуй, нет. Когда говорят: «сухановщина», «митяевщина», я не понимаю, что это такое. Хотя... Слушал я тут песню «Проститься» группы «Уматурман». Мне понравилось, но только потом я понял, почему. Потому что было похоже на меня.

Неважно, кто герой песни, пусть даже комбайнер или зэк, но в ней должно быть настоящее переживание, она должна цеплять. К тому же надо выучить слова, научиться эту песню играть да еще и получить от нее удовольствие. Думаю, что не столько ты выбираешь песню, сколько она тебя. А уж если она тебя выбрала, ты уже не можешь ее не выучить и не спеть.

— А когда вы взяли в руки гитару?

— Классе в седьмом-восьмом. Все в поезде играли — и я научился.

— И каков был репертуар?

— Самый нормальный, дворцовый: и Высоцкий, и «Поющие гитары». И все это прекрасно уживалось в одном песеннике.

— И пришел момент, когда захотелось сказать что-то свое...

— Не то чтобы захотелось. В 1978 году я случайно попал на фестиваль авторской песни под Челябинском. Послушал других и подумал: хорошо бы приехать через год с чем-нибудь своим! И написал песню «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались».

— Которая и поныне осталась вашей визитной карточкой!

— К сожалению. Когда ее везде стали петь, я подумал: неужели это моя главная песня? Потом писал вещи более глубокие, но такой популярностью они не пользовались.

— В доме, где вы росли, какая музыка звучала? Была ли в семье библиотека? А может быть, был и музыкальный инструмент?

— Нет, что вы, никакого инструмента не было. Что же касается библиотеки, то дома была книга про Эрнста Тельмана, которую подарили отцу на одном из цеховых вечеров вместе с медалью «За трудовую доблесть». Еще были Синклер Льюис и четыре сереньких тома Есенина. Слушали то, что было: Лили Иванову, песню «Толстый Карлсон». Сначала на проигрывателе, затем — на магнитофоне. Я типичный продукт своей эпохи. Все это в меня вошло — и позднее вышло моими песнями.

— Но вы хотя бы знали, что «Толстый Карлсон» — это на самом деле «Желтые реки» группы «Кристи»?

— В том-то и дело, что не знал. Да никто и не афишировал. Русские слова на известные западные мелодии писали, чтобы на нашу эстраду протащить, скажем, «Битлз» или другие известные группы. Сейчас скажу ужасную крамолу: мне приятно было слушать «Ласковый май» — никакие тексты, никакие голоса, никакая музыка, а все вместе ужасно гармонично. И я балдел. Конечно, гораздо лучше, когда, скажем, стихи Бродского, музыка Шнитке, а поет...

— ...Хворостовский, условно говоря.

— Вот! И тоже получается гармония — на другом уровне. Но это бывает редко.

— Кстати, о гармонии на другом уровне. С классической музыкой были какие-нибудь отношения — в детстве, юности?

сти? Не пытались вам делать прививки — дома, в школе, может быть, друзья?

— Меня это миновало. Может быть, как раз потому, что меня не заставляли в свое время ходить в музыкальную школу, у меня не пропала любовь к классической музыке.

— «Битлы» вас пробили в 30. А не было ли так, чтобы вас пробил какая-то опера, чья-то симфония?

— В пионерском лагере мы слушали оперу «Орфей и Эвридика».

— Ну Журбин все-таки не Моцарт!

— Любимым произведением моей мамы, которая работала поварихой и прачкой, был марш из оперы «Аида». И я с детства тоже очень любил эту музыку. Что еще? Ужасно нравится музыка Свиридова к повести Пушкина «Метель», особенно «Романс». Понимаю, что это уже «из другой оперы», но мне очень нравятся Луи Армстронг, Эл-

стипул в институт физкультуры, который закончил с отличием.

— По какому виду спорта?

— По плаванию. Я плавал во дворе, потом в техникуме... Сначала был первый разряд, затем стал кандидатом в мастера спорта. Потом поступил в ГИТИС, где, кстати, учился с Мишей Евдокимовым... Так вот, встретились мы в Сатке. У меня — полные залы. А у квартета — неполные...

— Вам не кажется, что эта история немножко повторяет историю с вашей первой песней? В том смысле, что простое любить проще, чем сложное. Полный зал не есть показатель качества...

— Конечно. Я не особенно обольщаюсь, когда собираю Кремлевский дворец. Но и не печалюсь. Это разный зритель, но это — мой зритель. Он находится на том же уровне, что и я. Мне хочется, чтобы музыка становилась более изощренной, слова — более глубокими, но чтобы при этом аудитория совершенствовалась и не уменьшалась.

— Сегодня идет колоссальное расслоение общества. Как вы к этому относитесь?

— Сегодня уже понятно, что не все богатые люди плохие и не все бедные хорошие. Все так переплетено! У меня есть много знакомых — вполне обеспеченные люди, но я знаю, сколько они работают! И есть другие знакомые — необеспеченные, абсолютные разгильдяи! Самое большое осложнение в этой жизни — то, что нет правил. Четких, по которым бы люди жили.

— А в вашем сообществе есть правила?

— Вы знаете, когда грянула перестройка и все зашаталось, все посмотрели на Булата Шалвовича Окуджава. Он представлялся тем человеком, который не будет врать даже тогда, когда ему это выгодно. Окуджава воспевал веру, надежду и любовь, пел про честь и достоин-

ла Фитцджеральд. Как видите, я совершенно не изощрен в своих музыкальных пристрастиях. Была у меня интересная история. В городе Сатке, под Челябинском, мы встретились с одним струнным квартетом (имени кого, не помню). Он состоял из девушек, у каждой из которых за плечами были музыкальная школа, училище и консерватория. Каждая к тому моменту была победительницей какого-нибудь конкурса как солистка, затем они стали лауреатами уже как квартет. А я закончил зачем-то монтажный техникум, хотя ехал поступать в геолого-разведочный. Потом пошел в армию. Потом по-